

Творческое объединение «ЗЫБЧАНИЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

Григорий РОГОВСКИЙ

К ВЕСНЕ
Откружило февральское лихо,
Под снегами земля отдыхает.
Вокруг так свежо и тихо,
Меня нежное солнце ласкает.
Чист и тих голубой небосвод,
Ослепительна белая даль,
И хрустальных берез хоровод
Укутан в морозную шаль.
Но в студеном безмолвии день
Полон самых томительных грёз,
И длинная синяя тень
Ложится на снег от берез.

Татьяна САМУСЕНКО

ГОДА – ВОДА
Чем старше мы – быстрее
время мчится.
Несутся годы, как в реке вода.
Спешим. А если нам остановиться,
Чтоб время шло потише, как тогда?
Тогда, в далеком детстве,
нам хотелось
Гнать годы, чтоб скорее вырастать.
Мечталось, верилось,
дружилось, пелось...
И всюду удавалось успевать.
А, может быть,
Земля быстрее кружится,
Раскручивая жизни карусель?
Года, что прожиты:
то явь, то снится?...
Вот осень жизни.
Где ты, мой апрель?

Галина ОРЕХОВА

МАМЕ
В этот день всегда спешила
Я с подарком и цветами.
Но неведомая сила
Разлучила маму с нами.
Нынче я незваной гостьей
Без открытки и подарка,
На заснеженном погосте,
Где свеча горит так ярко.
Отряхнула снег с венокча,
В сердце боль превозмогая...
И поставила цветочки, –
С днем рождения, дорогая...

Художник Галина Маркина,
«Забывший стожок»

Елена АКШЕВСКАЯ

ГОВОРите ЛЮБИМЫМ
Говорите любимым: «Люблю»,
Говорите, пока они рядом,
Говорите любимым «Люблю»
Робким жестом,
одним только взглядом.
Говорите любимым слова,
На губах, что от нежности тают,
Пусть седеет у них голова,
Но душа,
как бутон, расцветает!
Говорите любимым всегда,
Что они для вас воздуха слаще,
И нужней, чем живая вода,
Говорите об этом почаще!
Говорите, что лучше их нет,
Нет прекраснее
и незабвенней,
И кричите «Люблю» на весь свет,
Преклонив перед ними колени.
Торопитесь для них за луной,
И бросайте под ноги все звезды,
И не ждите минуты одной,
Потому что потом будет поздно!

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Мною свекровь звали Валерия. Это имя очень подходило ей. Она выглядела, как подросток. Узкие брючки, свободная рубашка на пуговицах, аккуратные туфли без каблуков, добавляем сюда короткую, модельную стрижку и получается очень милый подросток непонятного пола. Даже большие, бифокальные очки не портили её узкое лицо. Просто, надевая их, она становилась похожа на учёную стрекозу.

Как я, девочка из провинции, относилась к ней? Изначально – настороженно, позже – притворно, постоянно ожидая подвоха, укора. Она звала меня Лидочка, добавляя в конце фразы – детка. Мы никогда не ссорились, но всё в ней меня раздражало, а больше всего то, что она всегда была права.

– Лидочка, какой чудесный костюмчик! Молодец, что купила. Тебе, детка, очень идёт этот цвет, только я бы расстегнула одну пуговицу на груди и чуть удлинила юбку.

Я, конечно же, проигнорировала её совет, но, позже увидела то, что она заметила с первого взгляда – так лучше. Она знала, какая партия победит на выборах, упадет ли в ближайшее время доллар, когда родился и умер Пастернак, кто был в фаворитах у Екатерины второй и многое другое. Она уверенно пользовалась компьютером и электронной книгой. Вмешивалась ли она в наши отношения с мужем? Нет. Своего общества она нам не навязывала. Надо признать, что готовила свекровь замечательно. Муж относился к матери ровно, почтительно, из командировок всегда приносил подарки и мне и ей. Мне – обувь, одежду, разные приятные мелочи. Ей – чаще книги, иногда небольшие фарфоровые статуэтки, которые она подолгу держала в руках, оглаживая текучие, плавные формы. Я так и не поняла, по какому принципу он их выбирал: и стиль, и фактура были разные. Думаю, если бы я спросила, она бы с удовольствием мне рассказала. Теперь не у кого спрашивать.

Что ж меня так раздражало её – «Лидочка, ты не против, если я положу в кофе корицу? Детка? Лидочка, тебе нравятся, когда рыбу поливают лимонным соком? Детка?» Я вспыхивала как спичка, мне казалось, что она намекает на то, что в моей семье вряд ли так готовили.

Валерия Яковлевна была замужем дважды. Первое замужество случилось рано, в восемнадцать лет. Муж любил выпить, отдохнуть и не любил работать. Родили ребёнка и развелись. Она, с маленьким сыном на руках и почти без поддержки родителей, смогла окончить институт, аспирантуру и уже потом встретила своего второго мужа. Родился младший сын. Мой Петя. Этот брак был очень счастливым. Отец моего мужа – умный, образованный человек, долго работал за границей. Умер десять лет назад. Оба сына были похожи на мать: те же большие серые глаза, та же чётко очерченная линия губ. А ещё, от родного отца старший взял пристрастие к алкоголю и любовь к авантюрам. Первый раз он сел в тюрьму в восемнадцать лет за кражу, потом – за мошенничество. Потом уехал в Сибирь зарабатывать большие деньги и связь с ним почти прервалась.

У нас с Петей детей не было. Спокойный уравновешенный, нежный, он относился ко мне, как к драгоценной вазе. На мой вопрос: «Почему ты не женился раньше?» – он отвечал, что ждал меня. Довольно большая разница в возрасте не смущала меня. Я любила его. Мне нравилось в нём всё – как он ест, как спит, как смеётся, как при встрече оплаживает мои плечи своими беспокойными, горячими руками, нравилось заглядывать в его серые глаза и видеть, что у зрачка золотыми крапинками дрожит нежность и любовь ко мне.

Он умер сразу, как только в его машину врезался грузовик, водитель которого был мертвецки пьян. Как хоронили, не помню. Неделю провела в больнице, в неврологии. Выписавшись, я хотела сразу же уйти, снять себе квартиру, но Валерия Яковлевна не отпустила – сказала: живи сколько хочешь – уйди всегда успеешь.

И я осталась. Осталась там, где каждая вещь, каждый шорох напоминали о нём. Первое время я не могла плакать тихо, и когда начинала реветь в голос, тут же были слышны её мелкие шажки. Она подходила, гладила меня по плечу своей сухой, холодной лапкой и говорила:

– Ну, ну, Лидочка, деточка! Не убивайся так. Не надо. Один раз я раздражённо крикнула:

– Хорошо вам так спокойно говорить! А мне больно!

– Откуда ты знаешь, что мне хорошо? – чужим, окрипшим голосом спросила она, и вдруг на её увядшем, бледном лице я увидела живые страдающие глаза моего Петра. Объяться бы, поплакать вместе – нет. Что меня так задевало в ней? То достоинство, с которым она переживала потерю самого дорогого человека? Понимание того, что я в свои семьдесят восемь (если доживу) вряд ли буду обладать таким здравомыслием, благородством и доброжелательностью?

Смерть сына не прошла для неё бесследно – два микроинфаркта внесли свою лепту, осложняя течение всех ранее имевшихся болезней. В больницу она не легла, врач и медсестра приходили домой. Старческие капризы, плаксивость, раздражительность её не коснулись. Огорчалась, что тяжело читать в очках – упало зрение. Мелкий текст читала с лупой, но голова её работала, как всегда, чётко и ясно. Никаких жалоб и особых просьб не было, только необходимое: «Лидочка, детка, купи «Нитронг» – заканчивается – и лимоны к чаю. И ещё: «С прошлых месяцев остались деньги, ты, детка, купи себе что-нибудь новенькое из одежды. Порадуй себя...» Я хлопнула дверью, не дослушав её. Как-то, она попыталась заговорить о моей дальнейшей судьбе: «Лидочка, детка, если тебе встретится положительный молодой человек, ты не думай, что я буду против, ты молодая...» Как она может? Пусть прошло почти два года...но, он же её сын!

– Я не хочу об этом говорить!

Больше она эту тему не поднимала.

Мы с ней вообще разговаривали редко, точнее я уклонялась от разговоров. Однажды она показала мне письмо от старшего сына. Георгий писал о том, что узнал о смерти брата и собирается приехать в Москву, поддержать мать. Я не увидела в этом ничего странного – должен же он хоть когда-нибудь вспомнить, что у него есть мать.

Он приехал через три недели. Валерия Яковлевна становилось всё труднее обслуживать себя. Мы наняли ей медсестру-сиделку, и один раз в неделю приходила женщина убираться и стирать. Георгий установился у друзей, с которыми у него были какие-то общие дела. К матери он забегал на короткое время, и мне казалось, что он готов в любую минуту сорваться и уехать обратно.

Некстати обнаружилось, что мне тоже нужно уехать на неделю в Минск, по работе. Я сказала об этом Георгию.

– Едь. За ней, – он кивнул головой в сторону спальни матери, – есть кому присмотреть. Вернувшись, я не смогла попасть в квартиру – ключ не подходил. Поменяли замки. Позвонила Георгию. Он приехал быстро.

– Где Валерия Яковлевна? – Я испугалась, подумала, что она умерла.

– Там, где ей лучше всего. – Понимая, что таким ответом ему от меня не отделаться, он расписал подробно, в какой хороший хоспис определил её – там и врач круглосуточно, и кормят замечательно, и обстановка вполне приличная.

– Деньги тоже берут приличные. Я расплатился за месяц, – добавил он и посмотрел в сторону серванта. Я тоже посмотрела. Шкапульки не было. – Всё сделано, как полагается, – подытожил он. – Замки поменял. Ненадёжные были – могли обворовать. Хочешь, живи пока здесь, – разрешил он. – Но квартира большая, сама знаешь.

– Валерия Яковлевна спрашивала обо мне? – я пыталась вспомнить говорила ли я ей, что уезжаю на неделю. А вдруг – нет? Что она могла подумать?

– Нет, не спрашивала. – Он стал копаться в карманах, в поисках ключей. – Мне кажется, вы с ней не очень-то ладили. Характер у нее ещё тот, – добавил он, протягивая мне ключи. – Заберёшь свои вещи – сообщи. Пущу квартирников, а то мне скоро обратно, домой надо ехать.

К чему он это сказал? Может она ему обо мне что говорила? Жаловалась? Вроде бы не такой она человек. Позвонить на мобильный? Спросить как она?

«Пи-пи-пи-пи» – её телефон лежал на тумбочке возле кровати. Забыла. И не мудрено – последнее время она им почти не пользовалась. Ладно, встретимся – поговорим, – решила я. И всё равно, мне было неспокойно, не по себе. Вдруг она подумала, что я бросила её. Причём здесь бросила? К ней приехал родной сын – я ей никто – чужой человек. Чужой-то чужой, но ещё не ясно кто кого поддерживал эти два года – я её или она меня? Эта мысль впервые мелькнула в моей голове. Мелькнула и пропала. Я не хотела дальше думать в этом направлении. Оправдалась и ладно. А если ладно, что ж на душе так пакостно?

Поиски квартиры и переселение заняли неделю. Георгий торопил меня. Буквально выхватив ключи из моих рук, он вручил их квартирантам и уехал.

Хоспис находился в сорока километрах от Москвы, и я в первый же выходной отправилась туда. Меня отвели к главврачу. Он сказал, что Валерия Яковлевна умерла три дня назад, что её уже похоронили, что сын на похороны не приехал и что для меня есть письмо. Голова моя закружилась, ноги подкосились. Убедившись в очередной раз в живительном действии нашатыря, доктор усадил меня на кушетку, вручил мензурку с валерьянкой и оставил наедине с письмом.

«Лидочка, детка! Прошла неделя, как я здесь, боюсь, что не дождусь тебя. Думаю, Георгий не передал, что я хочу с тобой увидеться, поэтому пишу...» – Это был её почерк и не её – буквы заваливались навзничь, выскакивали из строчек, было видно, сколько усилий прилагала она к их написанию.

«Я хочу поблагодарить тебя за всё, что ты сделала для меня и моего сына. Он очень любил тебя. Этот год, что вы прожили вместе, он был счастливым, как никогда в жизни. Рядом с вами была счастлива я. Спасибо тебе и за то, что, когда его не стало, ты нашла в себе силы разделить со мной горе. Я не знаю, как жила бы без тебя. Каждое утро я слышала, как ты встаёшь, пьешь кофе, собираешься на работу, и целый день я знала, что не одна, что вечером придёшь ты, и я снова буду слышать твои шаги, твой голос, голос человека близкого моему сыну и мне. Спасибо тебе за всё. Ты добрая, чуткая, умная. Поверь, что пройдет время и тебе станет легче, и ты поймёшь, что жизнь продолжится. Поверь, что в той будущей жизни всё у тебя будет хорошо. Я хочу сделать тебе подарок.

Лидочка, детка! Ты говорила, что не любишь серёжки, но это серёжки моей прабабушки, они приносят удачу женщинам в любви и в семейной жизни. Носи их всегда».

Маленькие серёжки, в виде изящно изогнутого лепестка, усыпанного по центру прозрачными камешками, скользнули мне на ладонь.

Чуть ниже, более крупным подчерком было написано, что дарственная на квартиру на моё имя находится у нотариуса такого-то по такому-то адресу.

Слёзы закапали прямо мне на руку, прямо на серёжки, и мелкие невзрачные камешки на них вдруг ожили – влажно заблестели, запереливались. Я зажала их в ладони и выбежала в коридор.

Выйти на улицу мне мешала уборщица. Наклонившись, она стояла в дверном проёме и замерзшими, красными руками расстилала тряпку на коврик у входа.

– Ходить тут! Посылаю родителей с рук, а потом рыдают, – она выпрямилась, строго посмотрела на меня и, освобождая проход, посторонилась.

Татьяна ПОЖИЛЕНКОВА

***
Я, пожалуй, из мира Пинк Флойда
и пейджеров
И еще задержалась в замшелом
Фейсбуке.

Инстаграм, Телеграм –
для безмолвных тинейджеров,
Я же верую в старые, добрые трюки.
В моем доме, поверьте,
есть книжные полки,
Если нет вдохновения,
я штудирую Байрона.

Да, я знаю, что страшные звери
не волки,
А проворные люди,
наследники Каина.

Пусть я все же строчу
на бумажных носилках,
Примитивно вбивая чернила
и клавиши,

Я не верю, что роботы
наши спасители,
И надеюсь, что рифма
берет тебя за душу.

Я, понятно, слежу
за любыми новинками,
Применяю лайфхаки,
использую гаджеты,
Только все эти штуки
не сядут в обнимку

И не спросят они:
дорогая, ну как там ты...

Фотоэтиюд А. Фаранова
«Мартовское солнце»

Маргарита БАЛЬЗАРАЙТЕНЕ

***
С восторгом, с интересом,
с умиленьем
Поэтов местных я всегда читаю
И с радостью,
и с искренним почтеньем

Их мир незримый я приоткрываю.
Они живут стихами, ими дышат.
Хоть все давно написано без нас,
Придумывают, сочиняют, пишут,
По-своему ведут о жизни сказ.

Ну почему же у людей иных
Настрой неяскаем романтический?
Неужто лишь затем,
чтоб поэтической

Слезой катился выдуманный стих?
В их сложном мире тысячи дорог,
Но ни одна из них неповторима...
Ступая вслед за ними между строк,
Я чувствую, как все-таки ранима

Распахнутая настежь, без застёжки,
Душа, едва прикрытая одеждой...
Над кромкой бездны
путь наощупь ищёт...

Её мечта – её посох, кров и пища.
...Спешит за горизонтом добрый
странник –

Планетного сообщества изгнанник,
Не ведающий, где его приют,
Тернист, опасен выбранный маршрут.
И всякий раз читая чьи-то строки,
Я думаю невольно об одном,
Как все они отчасти одиноки,
Как будто бы на праздник чужом...
Их мир непрост, а иногда строптив,
Но точно цельный –
суть, пожалуй, в этом.

Душа – универсальный объектив,
Секретное оружие поэта.
Какое благо, что земля рождает
Друг друга понимающих без слов
Неисправимых странных чудачков,
Которых душ родство объединяет.